

УДК 343.237

ББК 67.408.017

Пособничество преступлению: закон, теория, практика

Р.Д. Шаронов¹, Р.В. Минин²

¹Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия)

²Институт государства и права Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

Aiding Crime: Law, Theory, Practice

R.D. Sharapov¹, R.V. Minin²

¹Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

²Institute of State and Law, Tyumen State University (Tyumen, Russia)

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике пособничества преступлению. С позиции уголовного закона, уголовно-правовой доктрины и судебной практики исследуется единство в понимании признаков пособничества преступлению. На основе широкого привлечения материалов судебной практики рассматриваются актуальные и малоисследованные вопросы квалификации пособничества (отличие пособничества от подстрекательства, значение классификации пособничества на физическое и интеллектуальное, совместительство преступных ролей соучастников и др.). В частности, даются рекомендации о разграничении интеллектуального пособничества в виде дачи советов и указаний и подстрекательства к преступлению в зависимости от характера даваемых советов и указаний, а не момента возникновения умысла у исполнителя. Сформулирован вывод о том, что интеллектуальное пособничество возможно либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии неоконченного покушения на преступление, в то время как физическое пособничество в виде устранения препятствий может иметь место как на стадии приготовления к преступлению или на стадии неоконченного покушения, так и на стадии оконченого покушения на преступление. При совмещении функций соучастников содеянное рекомендуется квалифицировать в соответствии с каждой из выполненных соучастником ролей с одновременной ссылкой на ч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ. Показана обусловленность одного из направлений уголовно-правовой политики — установление в Особенной части УК РФ отдельных оснований ответственности подстрекателей и пособников — трудностями привлечения их к уголовной ответственности в рамках института соучастия в преступлении благодаря акцессорной объективно-субъективной природе последнего.

The article is devoted to the criminal-legal characterization of complicity in a crime. From the position of the criminal law, the authors explore the criminal legal doctrine and judicial practice, unity in the understanding of the signs of aiding crime. On the basis of wide involvement of materials of judicial practice, topical and little-studied questions of the qualification of complicity are considered (the difference between aiding and abetting, the importance of classification of complicity in the physical and intellectual, the compatibility of criminal roles of accomplices, etc.). In particular, recommendations are given on the delimitation of intellectual aiding in the form of advice and instructions and incitement to a crime, depending on the nature of the advice and instructions given, and not the moment when the performer wins. The conclusion is drawn that intellectual aiding is possible either at the stage of preparation for a crime or at the stage of an unfinished attempt on a crime, while physical aiding in the form of removal of obstacles can take place both at the stage of preparation for a crime or at the stage of unfinished assassination, both and at the stage of the final attempt on the crime. When combining the functions of accomplices, it is recommended to classify the deed in accordance with each of the roles performed by the accomplice, with simultaneous reference to Parts 3, 4 and 5 of Art. 33 of the Criminal Code. The conditionality of one of the directions of the criminal legal policy is shown — the establishment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of certain grounds for the responsibility of instigators and accomplices — the difficulties of bringing them to criminal responsibility within the institution of complicity in crime, thanks to the accessory objective and subjective nature of the latter.

Ключевые слова: пособничество, соучастие, подстрекательство, виды соучастников, преступление, укрыительство, несообщение о преступлении.

Key words: complicity, complicity, incitement, types of accomplices, crime, harboring, failure to report crime.

DOI 10.14258/izvasu(2018)6-26

Соучастие в преступлении является одним из наиболее сложных для теоретического осмысления и практического применения институтов Общей части российского уголовного права. Узловой проблемой ответственности за соучастие является уголовно-правовая оценка характера участия лиц в совершении преступления. Характер участия есть качественная характеристика вклада соучастника в совместное совершение преступления, определяемая его преступной ролью исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию характера участия в преступлении (видов соучастников), судебная практика нередко испытывает сложности в оценке преступной роли субъектов совместного преступления, в частности пособничества. Хотя пособник обычно считается наименее опасным соучастником, основание уголовной ответственности за пособничество имеет особое значение, поскольку позволяет очертить круг причастных к преступлению лиц, не принимавших в нем активного участия в отличие от исполнителя, организатора или подстрекателя.

Проблема квалификации деяний пособников достаточно актуальна для мировой научной повестки. В международных журналах обсуждаются различные аспекты пособничества с учетом развития науки и техники. В частности, для Соединенных Штатов Америки актуальной является проблема ответственности поставщиков технологий, если эти технологии используются в преступных целях [1, с. 427]. По мнению некоторых зарубежных ученых, в правоприменительной практике достаточно сложно разграничить «присоединение к преступному предприятию» и «просто предоставление технологии преступного использования» [2, с. 95].

Дискуссии ведутся также в отношении субъективной стороны (*mens rea*) пособников. Предлагаются различные концепции определения психического отношения пособника как по отношению к самому факту совершения преступления, так и по отношению к намерению совершения этого деяния [3, с. 463].

Отдельные зарубежные ученые критикуют существующие законодательные конструкции, регламентирующие ответственность пособников и иных соучастников, и предлагают переформулировать их для достижения «цели ясности и последовательности» [4, с. 170].

Попытаемся описать, насколько едины закон, теория и практика в понимании признаков пособничества преступлению по отечественному законодательству.

По законодательному определению пособника (ч. 5 ст. 33 УК РФ) функция последнего состоит в том, что он своими действиями (бездействием) оказывает исполнителю, организатору, подстрекателю или другому пособнику консультационную, информационную, материальную, физическую и иную помощь в совершении преступления, хотя сам непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления не принимает, не организует, не вызывает преступление и не возбуждает желания у других соучастников совершить преступление. В теории уголовного права все предусмотренные в уголовном законе способы пособничества принято подразделять на две группы: интеллектуальное пособничество и физическое пособничество.

Интеллектуальное пособничество заключается в оказании консультационного или информационного содействия другим соучастникам в совершении преступления (дача советов, указаний, предоставление информации, а также данное заранее обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, либо приобрести или сбыть такие предметы).

Содействие совершению преступления советами означает сообщение исполнителю или другому соучастнику своего мнения относительно любых обстоятельств, касающихся механизма совершения преступления (о способах, орудиях и средствах совершения преступления, о подборе других соучастников и т.д.). Указания пособника — это его наставления, разъяснения, касающиеся тех же самых обстоятельств. Различие между советами и указаниями обычно видят в том, что совет дается в рекомендательной форме, а указание — в принудительной форме.

Например, пособником кражи был признан К., который «непосредственно в хищении чужого имущества не участвовал, а лишь оказал исполнителю кражи содействие советами, а именно: показал способ проникновения в автобус через спальное место водителя, показал место хранения ключа от входной двери в спальное место водителя, объяснил схему работы коробки передач и кнопок управления» [5].

Практическое значение имеет вопрос об оценке в качестве пособничества советов и указаний от-

носителю обстоятельств, касающихся механизма сокрытия преступления (о способах, орудиях и средствах сокрытия преступления, правовое консультирование по созданию алиби или других оправдывающих обстоятельств и т.д.). Полагаем, подобные действия следует квалифицировать как интеллектуальное пособничество, однако не в виде содействия совершению преступления советами или указаниями (поскольку советы и указания касаются не самого преступления, а посткриминального поведения лица), а в виде заранее обещанного укрывательства преступлению.

В теории и практике уголовного права является проблематичным вопрос о разграничении интеллектуального пособничества в виде дачи советов и указаний и подстрекательства к преступлению, которое также может выражаться в даче подстрекаемому советов и указаний.

Если советы и указания, которые один соучастник дает другому, касаются не технической стороны совершения или сокрытия преступления, а содержат уверения в необходимости, желательности и выгоды совершения другим соучастником преступления, в том числе одобрение совершения преступления, то такие советы и указания следует считать не пособничеством, а подстрекательством к совершению преступления. Здесь советы и указания по своему содержанию напрямую не направлены на облегчение выполнения объективной стороны преступления, что как раз свойственно пособничеству, а нацелены на укрепление у исполнителя или другого соучастника намерения (решимости) совершить преступление, когда у того еще нет прочной волевой установки на занятие преступной деятельностью. Укрепление уже возникшего, но еще не окрепшего желания совершить преступление, равно как и возбуждение (иницирование) такого желания, в сущности, есть склонение к совершению преступления, что соответствует функции подстрекательства. В свое время такую позицию занимал Верховный Суд СССР, который в одном из кассационных определений подчеркнул, что «подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить в нем решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя» [6, с. 43].

Согласно другому критерию, широко распространенному в доктрине уголовного права, лицо, дающее другому соучастнику советы и указания, направленные на укрепление у него решимости совершить преступление, должно считаться пособником, а не подстрекателем.

Для правоприменителя предпочтительным является первый критерий (характер даваемых советов

и указаний), поскольку он основан на объективном обстоятельстве, по сравнению с другим критерием (момент возникновения у соучастника решимости совершить преступление), который опирается исключительно на субъективный фактор.

Особое значение для квалификации интеллектуального пособничества имеет вопрос о правильном понимании заранее обещанного укрывательства преступления, приобретения или сбыта предметов, добытых преступным путем. Данный способ пособничества означает информирование других соучастников об укрывательстве их преступления или оказании им помощи в приобретении или сбыте имущества или иных предметов, добытых преступным путем, если такое информирование имело место до совершения преступления соучастниками (на стадии приготовления) или во время его совершения (на стадии неоконченного покушения) [7]. Заранее обещанным укрывательством преступления следует также считать непосредственное совершение укрывательства в период приготовления к преступлению или в период неоконченного покушения на преступление, если другой соучастник был об этом осведомлен (например, уничтожение следов преступления в процессе его совершения), а равно, подчеркнем, дачу советов или указаний относительно сокрытия преступления, несмотря на то, что это посткриминальное поведение.

Обещание укрывательства преступления, приобретения или сбыта предметов, добытых преступным путем, содействует совершению преступления тем, что дает другим соучастникам основание рассчитывать на безнаказанность своей преступной деятельности или возможность сбыта добытого преступным путем, что в конечном итоге укрепляет их намерение (решимость) совершить преступление или довести его до конца. Следует подчеркнуть, что содействие совершению преступления при данной форме пособничества заключено в самом факте обещания, а не в последующем укрывательстве преступления, приобретении или сбыте предметов, добытых преступным путем. Поэтому невыполнение ранее данного обещания (например, отказ укрыть исполнителя после того, как преступление уже совершено) не исключает ответственности за пособничество преступлению.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, отраженной в Постановлении от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретенных или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием в преступлении не только тогда, когда эти действия были заранее обещаны

исполнителю такого преступления до или во время его совершения, но также и тогда, когда эти действия по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие [7]. Скажем, систематическая (по общепринятому мнению — троекратная) скупка краденого имущества у одного и того же вора дает основание квалифицировать очередной факт приобретения у него похищенных вещей уже не как прикосновенность к преступлению (ст. 175 УК РФ), а как пособничество краже в виде заранее обещанного приобретения или сбыта предметов, добытых преступным путем. Факт систематического приобретения или сбыта предметов, которые другое лицо добыло преступным путем, равно как и систематическое укрывательство совершенных другим лицом преступлений, несмотря на то, что эти действия не были напрямую обещаны лицу заранее, формирует у последнего расчет на то, что ему будет оказана соответствующая помощь и в дальнейшем, когда он совершит очередное преступление. Тем самым укрепляется решимость лица на продолжение занятия преступной деятельностью.

В связи с включением в УК РФ в июле 2016 г. ст. 205.6 [8], предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, в теории и практике уголовного права поставлен вопрос о соотношении нового преступления с соучастием в форме пособничества. Высказано мнение о том, что в указанной статье речь идет о заранее не обещанном несообщении. При этом в случае, если обещание несообщения было дано исполнителю до совершения преступления, то подобное деяние предлагается квалифицировать как пособничество [9, с. 170].

Полагаем, что решение вопроса должно быть следующим. Заранее обещанное несообщение о преступлениях террористической направленности, перечисленных в ст. 205.6 УК РФ, соответствует правовой природе пособничества в виде заранее обещанного укрывательства преступления, поскольку укрепляет у исполнителя уверенность в возможности совершения преступления, которое благодаря несообщению в органы власти может остаться нераскрытым. Вместе с тем это не исключает уголовную ответственность по ст. 205.6 УК РФ по правилу о совокупности преступлений, поскольку в диспозиции указанной статьи не идет речь о том, что несообщение о преступлении должно быть заранее не обещанным, а ч. 5 ст. 33 УК РФ соответствующих изменений в связи с введением в УК РФ ст. 205.6 не претерпела.

Физическое пособничество означает оказание другим соучастникам материальной или физической помощи в совершении преступления. Оно выражается в предоставлении соучастникам средств или орудий совершения преступления (оружия или пред-

метов, используемых в качестве оружия, орудий взлома, транспортного средства, документов, форменной одежды представителя власти, непосредственных причинителей вреда, которые в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств не подлежат уголовной ответственности за данное преступление в качестве исполнителей, и т.п.) либо в устранении препятствий для совершения преступления (допуск исполнителя в запрещенное для входа посторонних помещение, выключение охранных систем, отвлечение лиц, осуществляющих охрану объекта, оставление незапертыми окон или дверей, заманивание потерпевшего на место преступления, заранее обещанное попустительство преступлению и т.п.)

Классификация пособничества на интеллектуальное и физическое имеет значение не только для более четкого определения основания уголовной ответственности пособника преступлению. Значение данной классификации также в том, что она раскрывает особенности причинной связи между деяниями интеллектуального и физического пособника, с одной стороны, и общественно опасным последствием преступления исполнителя, с другой стороны. Это, в свою очередь, позволяет уточнить временные границы соучастия в преступлении в виде пособничества.

Интеллектуальное пособничество причинно связано с общественно опасным последствием преступления, совершаемого исполнителем, исключительно через действие или бездействие самого исполнителя. Совершению этих действий (бездействия) интеллектуальный пособник содействует путем укрепления решимости исполнителя начать и довести задуманное преступление до конца либо путем предоставления необходимой информации, которую исполнитель учитывает при совершении своих преступных действий (бездействия). В связи с этим интеллектуальное пособничество возможно либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии неоконченного покушения на преступление, когда исполнитель еще не выполнил всего объема действий, необходимых для наступления общественно опасного последствия. На стадии оконченного покушения на преступление, когда исполнитель завершил преступное деяние, но общественно опасное последствие еще не наступило, дача советов, указаний, обещаний или предоставление иной информации может расцениваться только как прикосновенность к преступлению. Например, лицо, которое пообещало убийце-отравителю помочь скрыться в тот период времени, когда смерть потерпевшего еще не наступила по причине длительного действия яда, может быть виновно не в пособничестве убийству, а в заранее не обещанном укрывательстве этого преступления (ст. 316 УК РФ).

Физическое пособничество может быть причинно связано с общественно опасным последствием преступления, совершаемого исполнителем, напрямую, когда содействие физического пособника является необходимым условием не для совершения преступных действий или бездействия исполнителем, а для последующего наступления общественно опасного последствия. В этом случае физическое пособничество обуславливает наступление преступного результата, создавая для этого благоприятные условия в виде невоспрепятствования закономерному развитию причинной связи, когда такое воспрепятствование было обязательным. Подобный характер причинной связи присущ физическому пособничеству в виде устранения препятствий, которое, таким образом, может иметь место как на стадии приготовления к преступлению или на стадии неоконченного покушения, так и на стадии оконченого покушения на преступление. Например, дежурный по контрольно-пропускному пункту умышленно попустительствует похитителю в выносе похищаемого имущества за пределы охраняемой территории.

Однако нередко такого рода устранение препятствий для наступления общественно опасного последствия образует соисполнительство в преступлении, так как является признаком его объективной стороны. Так, например, не физическим пособником убийства, а его соисполнителем должен признаваться врач лечебного учреждения, который по договоренности с исполнителем покушения на убийство не предпринимает мер по спасению жизни поступившего к нему потерпевшего, благодаря чему последний от полученного ранения умирает (если представить, что врач по неосторожности допускает смертельный исход поступившего к нему больного, он будет считаться исполнителем преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ — неоказание помощи больному).

В отличие от подстрекательства, уголовный закон содержит исчерпывающий перечень способов пособничества преступлению, на что в теории обращается специальное внимание при обсуждении, например, вопроса об основании ответственности за посредничество во взяточничестве [10, с. 18]. Не может признаваться пособником лицо, которое совершило какие-либо иные действия или бездействие, которые в силу некоторых обстоятельств оказались связаны с преступлением другого лица, если эти действия или бездействие не соответствуют ни одной из функций пособника преступления. В частности, в судебной практике не рассматриваются как соучастие в преступлении «присутствие постороннего лица при совершении преступления при недоказанности подстрекательства или пособничества» [11, с. 51; 12; 13], «использование вещей, заведомо добытых преступным путем, при отсут-

ствии данных о содействии самому преступлению» [14, с. 52], «неоказание помощи потерпевшему и несообщение о случившемся близкому ему лицу или сотрудникам полиции» [15].

При совершении преступления в соучастии нередки случаи, когда одно и то же лицо выполняет несколько функций, присущих разным видам соучастников (совмещение функций соучастников), например, одновременно выполняет роль подстрекателя и пособника в преступлении. Возникает вопрос — как квалифицировать такого рода преступное «совместительство»? Об одной из таких ситуаций упоминает законодатель. Согласно ч. 3 ст. 34 УК РФ, если организатор, подстрекатель или пособник приняли непосредственное участие в выполнении объективной стороны преступления, они признаются соисполнителями и их деяния квалифицируются только по соответствующей статье Особенной части УК РФ без ссылки на ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ. Таким образом, соисполнительство поглощает все остальные функции соучастников. Однако факт того, что соисполнитель наряду с непосредственным совершением преступления выполнял роль его организатора, подстрекателя или пособника, будет влиять на оценку степени его фактического участия в преступлении и учитываться при назначении наказания.

Об оценке ситуаций, когда лицо совмещает функции сложных соучастников (организатора, подстрекателя и пособника), законодатель умолчал. Судебная практика в этом вопросе испытывает нестабильность, в одних случаях расценивая содеянное только как организацию совершения преступления, в других случаях квалифицируя каждую из выполненных соучастником ролей отдельно с одновременной ссылкой на ч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ.

Например, в одном из судебных решений Верховный Суд РФ указал: «Поскольку организаторская роль осужденной заключалась в подыскании исполнителя убийства, склонении его к совершению преступления, разработке плана убийства двух лиц, сокрытии трупов, следов преступления и ведении переговоров относительно платы за совершенное преступление, ее действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации по чч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ не требуется» [16; 17].

В решении по другому делу Верховный Суд РФ занял противоположную позицию, признав правильной квалификацию действий подсудимых, которые разработали план убийства и разбойного нападения, подыскали исполнителей преступлений, сообщили им места нахождения потерпевших и хранения ценностей, назначили время совершения преступления, обеспечили доставку и беспрепятственный проход исполнителей к месту совершения преступления и после совершенного преступления забра-

ли их с похищенным, как организация, подстрекательство и пособничество в убийстве и разбойном нападении (ч. 3–5 ст. 33 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, п. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [18; 19].

Если соучастник совмещает функции подстрекателя и пособника, содеянное им обычно квалифицируется со ссылкой одновременно на ч. 4 и ч. 5 ст. 33 УК РФ [20, с. 27; 21; 22; 23, с. 21–22; 23; 24, с. 10–11; 25]. Представляется предпочтительной квалификация каждой из выполненных соучастником ролей отдельно с одновременной ссылкой на ч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ, ибо в данном случае основание уголовной ответственности соучастников имеет конструкцию альтернативного состава преступления.

В последнее время российское уголовное законодательство идет по тому пути, что законодатель не ограничивается установлением в Особенной части УК РФ специальных оснований ответственности организаторов и руководителей организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), что означает признание их исполнителями соответствующих преступлений, а все чаще формулирует отдельные основания уголовной ответственности подстрекателей и пособников, а также организаторов, принимающих участие в совершении некоторых видов преступлений. Это, например, такие составы преступлений, как незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 172² УК РФ), содействие террористической деятельности, в том числе пособничество террористическому акту (ст. 205¹ УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ). Данными нормами фактически введены специальные основания уголовной ответственности организаторов, подстрекателей и пособников преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом, преступлений террористического характера, а также взяточничества, вместо предусмотренных ст. 33 УК РФ общих оснований уголовной ответственности соучастников. Из этого следует, что лица, фактически выполнившие организаторские, подстрекательские или пособнические функции в указанных преступлениях, в действительности несут уголовную ответственность не как соучастники названных преступлений, а как исполнители особых видов преступных посягательств, которые в уголовно-правовой доктрине получили название «соучастие особого рода».

В теории уголовного права такая позиция законодателя подвергается критике на том основании, что игнорируется существующий институт соучастия в преступлении и тем самым рушится системность положений Уголовного кодекса, возникает дисбаланс в наказуемости деяний исполнителя, с одной стороны, и деяний фактических пособников,

подстрекателей и организаторов, с другой стороны, что чревато нарушением принципа справедливости [26, с. 53–55; 27, с. 30; 28, с. 6; 29, с. 162].

Между тем обозначенная законодательная тенденция продиктована тем, что организаторы, подстрекатели и пособники терроризма, взяточничества и других злободневных и опасных преступлений далеко не всегда оказываются уязвимы для уголовного закона, если их преступную деятельность оценивать в рамках традиционного института соучастия в преступлении. Соучастие в преступлении, благодаря своей акцессорной природе (зависимости от преступной деятельности исполнителя) и объективно-субъективному свойству совместности умышленной преступной деятельности, в значительной мере ограничивает основание уголовной ответственности субъектов, фактически причастных к совершению преступлений другими лицами. Скажем, вооружение или финансирование террориста, который не воспользовался оказанной ему помощью или вообще отказался от осуществления террористической акции, исключает оценку действий неудавшегося пособника как соучастия в преступлении и влечет его ответственность только за приготовление к преступлению террористической направленности. Если же пособник терроризма будет действовать инкогнито для исполнителя преступления, оказывая незримую для последнего, но вполне реальную помощь, он не только не может быть признан соучастником ввиду отсутствия «совместности умысла», но и может оказаться вовсе безответственным из-за отсутствия состава преступления. Сегодняшняя уголовно-правовая политика, однако, исходит из необходимости жесткой уголовно-правовой репрессии в отношении фактических сообщников террористов и взяточников, что достигается путем установления для них в Особенной части УК РФ особых, не связанных с соучастием и, в сравнении с последним, легче доказуемых оснований уголовной ответственности.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Пособничеством вслед за заранее обещанным укрывательством следует признавать также дачу советов или указаний относительно сокрытия преступления.

2. В вопросе о разграничении интеллектуального пособничества в виде дачи советов и указаний и подстрекательства к преступлению следует исходить из характера даваемых советов и указаний, поскольку этот критерий основан на объективном обстоятельстве, по сравнению с другим критерием (момент возникновения у соучастника решимости совершить преступление), который опирается исключительно на субъективный фактор. Если советы и указания, которые один соучастник дает другому, касаются не объективной стороны совершения или сокрытия

преступления, а содержат уверения в необходимости, желательности и выгоды совершения другим соучастником преступления, в том числе одобрение совершения преступления, то такие советы и указания следует считать не пособничеством, а подстрекательством к совершению преступления.

3. Поскольку интеллектуальное пособничество причинно связано с общественно опасным последствием преступления, совершаемого исполнителем, исключительно через действие или бездействие самого исполнителя, постольку интеллектуальное пособничество возможно либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии неоконченного покушения на преступление, когда исполнитель еще не выполнил всего объема действий, необходимых для наступления общественно опасного последствия.

4. Поскольку физическое пособничество может быть причинно связано с общественно опасным последствием преступления, совершаемого исполнителем, напрямую, когда содействие физического пособника является необходимым условием для наступления общественно опасного последствия (невоспрепятствование последствию), постольку физическое пособничество в виде устранения препятствий может иметь место как на стадии приготовления к преступлению или на стадии неоконченного покушения, так и на стадии оконченого покушения на преступление.

5. Если в действиях соучастника преступления имеются признаки не только пособничества, но и подстрекательства к преступлению или организации преступления (совмещение функций соучастников), то содеянное рекомендуется квалифицировать в соответствии с каждой из выполненных соучастником ролей с одновременной ссылкой на ч. 3–5 ст. 33 УК РФ, ибо в данном случае основание уголовной ответственности соучастников имеет конструкцию альтернативного состава преступления.

6. Направление уголовно-правовой политики, заключающееся в установлении в Особенной части УК РФ отдельных оснований ответственности подстрекателей и пособников, принимающих участие в совершении некоторых видов преступлений (прежде всего террористических и коррупционных), обусловлено объективными трудностями привлечения их к уголовной ответственности в рамках института соучастия в преступлении, благодаря аксессуарной объективно-субъективной природе последнего.

7. Заранее обещанное исполнителю несообщение о преступлениях террористической направленности, перечисленных в ст. 205.6 УК РФ, может образовывать совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ, с одной стороны, пособничества преступлению террористической направленности в виде заранее обещанного укрывательства, с другой стороны.

Библиографический список

1. Finnemore M., Hollis D. Constructing Norms for Global Cybersecurity // *American Journal of International Law*. — 2016. — Vol. 110(3).

2. Martin B., Newhall J. Technology and the Guilty Mind: When Do Technology Providers Become Criminal Accomplices? // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 2016. — Vol. 105 (1).

3. Girgis S. The Mens Rea of Accomplice Liability: Supporting Intentions // *Yale Law Journal*. — 2013. Vol. 123 (2). 460-494.

4. Hurd H., Moore M. (2016). Untying the Gordian Knot of Mens Rea Requirements for Accomplices // *Social Philosophy and Policy*. — Vol. — 32 (2).

5. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2011 года // *Бюллетень ВС РФ*. — 2012. — № 5.

6. Определение Верховного Суда СССР от 11 сентября 1967 г. по делу Б. // *Бюллетень ВС СССР*. — 1967. — № 5.

7. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : По-

становление Пленума Верховного Суда от 07 июля 2015 г. № 32 // *Бюллетень ВС РФ*. — 2015. — № 9.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федеральный закон от 06 июля 2016 г. № 375-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087/.

9. Клименко Ю.А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством... и соучастием в терроризме // *Актуальные проблемы российского права*. — 2017. — № 9 (82).

10. Аникин А. Посредничество во взяточничестве // *Законность*. — 2009. — № 3.

11. Определение Верховного Суда СССР от 04 июля 1939 г. по делу М. // *Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978 гг.* — 3-е изд., доп. и перераб. — М., 1980.

12. Лицо необоснованно признано пособником в убийстве : Обзор судебной практики Верховного Суда

РФ за III квартал 2011 года // Бюллетень ВС РФ. — 2012. — № 2.

13. Приговор в части осуждения лица за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 223 УК РФ, отменен, поскольку судом не установлено, в чем выразались действия по незаконному изготовлению оружия : Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2014 года // Бюллетень ВС РФ. — 2014. — № 10.

14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 02 сентября 1943 г. по делу Д. и др. // Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978 гг. — 3-е изд., доп. и перераб. — М., 1980.

15. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2010 года // Бюллетень ВС РФ. — 2010. — № 9.

16. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2001 года: Определение № 48-001-66 по делу Гатиной // Бюллетень ВС РФ. — 2001. — № 12.

17. Действия лица как организатора в получении взяток излишне квалифицированы еще и как пособничество : Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31 января 2007 г. № 596-П06 // Бюллетень ВС РФ. — 2007. — № 12.

18. Определение Верховного Суда РФ от 18 января 2007 г. № 44-о06-143 // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>.

19. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 января 2006 г. № 933-П05ПР // Бюллетень ВС РФ. — 2006. — № 7.

20. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2000 год // Бюллетень ВС РФ. — 2001. — № 7.

21. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 05 сентября 2003 г. № 4-014/03 // Бюллетень ВС РФ. — 2004. — № 11.

22. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2010 года : Постановление № 311П09 // Бюллетень ВС РФ. — 2010. — № 9.

23. Действия виновной обоснованно квалифицированы по ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организация убийства по найму // Бюллетень ВС РФ. — 2003. — № 11.

24. Подстрекателям к убийству ошибочно вменен квалифицирующий признак этого преступления — «группой лиц по предварительному сговору» // Бюллетень ВС РФ. — 2004. — № 11.

25. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2013 года : Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 107-П12 // Бюллетень ВС РФ. — 2014. — № 1.

26. Ершов С. Пособничество в Особенной части УК // Законность. — 2012. — № 11.

27. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. — 2013. — № 1.

28. Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. — 2011. — № 5.

29. Ображиев К.В. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2016. — № 1.